

Сергей Гуменний. Нелегальные миграции на границе между Польшей и УССР в первой половине 1930-х гг.

В исследовании на основе анализа имеющейся источниковой базы, отслеживается противодействие государственных структур Польши и УССР нелегальным миграциям (личный переход границы, контрабанда, диверсионно-разведывательная деятельность) на «рижской» границе в 1930–1935 гг. Целью научной разведки является комплексное исследование нарушений режима советско-польской границы, их влияние на усиление политической напряженности между Польшей, западноукраинской общественностью и СССР в период предшествовавший Голодомору 1932–1933 гг. и во время самого геноцида.

Современная историография склонна считать одной из причин Голодомора 1932–1933 гг. сопротивление украинского крестьянства ускоренной коллективизации развернутой советским режимом. Значительного масштаба крестьянские выступления достигли, в частности, в пограничной Шепетовской округе, которая донесениями ЦК КП(б)У характеризовалась, как: «округ [который] граничит с Польшей, в прошлом был ареной борьбы [...] насыщенный в большом количестве участниками петлюровского движения, банд разного рода... особенно в изобилии – контрабандистами, которые в наших пограничных условиях неизбежно, в абсолютном большинстве случаев, постепенно становятся или уже стали шпионами польской разведки». Приграничное положение одновременно спасало и ухудшало ситуацию на селе, так как одной стороны существования разветвленной контрабандной сети в районе спасало его жителей от голода (по мнению исследователя В. Берковского), а с другой – участие пограничных отрядов ГПУ в контроле за социально-политической ситуацией на этих территориях только усиливало компартийно-советское давление на крестьянина.

В Теофипольском районе Шепетовской округа перманентные крестьянские волнения переросли в полноценное восстание (документы ГПУ сообщают о росте повстанческих отрядов и достижения ими численности 200–300 человек). 24 февраля 1930 г. в селе Большие Радогощи (со

смешанным украинский-польским населением, теперь в Хмельницкой области) толпа женщин разогнала сельсовет, в крестьянской массе раздавались призывы: «Долой советскую власть, бей коммунистов, забирает детей и идем в Польшу». 22 марта 1930 г. из села Соломна к государственной границе выдвинулась целая процессия с церковными хоругвами и остановить это шествие удалось только польским пограничникам. В селах Залужная, Добринь и Мякоты Антонинского района той же Шепетовской округи встречаем факты совершения насилия в ответ относительно действий представителей советской власти, здесь учащаются переходы за границу. 28 марта в Польшу пыталась перейти процессия из почти 2-х тысяч жителей села Печивода возглавляемая старушкой, которая держала палку с черным платком. Ситуация, сложившаяся в приграничном Шепетовской округе конце февраля-марте 1930 г. вызвала беспрецедентное усиление контингента сил пограничников УССР, накануне прибытия в Шепетовку руководителя ГПУ УССР В. Балицкого, который возглавил вооруженную борьбу против восставшего крестьянства с применением пулеметов и пушек. В целом в течение февраля-марта 1930 г. антисоветскими выступлениями было охвачено 63% населенных пунктов Шепетовской округи.

Дальнейший алгоритм нарастания большевистской реакции, вылилась в полное изъятие продовольственных запасов, посевных фондов у сельского населения, ограничение свободы передвижения и сообщение между городом и деревней УССР. Эти репрессивные меры советской власти, современная украинская и зарубежная историческая наука изучили достаточно детально. Говоря об исследовании геноцида украинского народа 1932–1933 гг. мы не можем не вспомнить труды Р. Конквеста, Дж. Майса, Т. Снайдера, С. Кульчицкого, В. Марочки, В. Сергийчука, М. Лазаревича, Я. Папуги, М. Кугутяка, которые рассматривали явление Голодомора 1932–1933 гг., его причины и последствия, значение для дальнейшего исторического развития украинских земель. Однако существующая сегодня историография преимущественно выпускает из поля зрения тот факт, что украинское население использовало различные формы пассивного и активного сопротивления политике физического уничтожения. Жители приграничных территорий часто видели спасение от голодной смерти в бегстве в соседнюю страну –

Республику Польша, ведь «жаловаться нельзя – террор невыносимой [...] каждый боится собственной тени. Одинокий спасение – бегство за границу... », – читаем воспоминания нелегального мигранта из УССР в газете «Свобода» от 11 июня 1933 г.

Появление нелегальных мигрантов из УССР на территории восточных воеводств Второй Речи Посполитой создало эффект информационной бомбы. Сведения о голоде в Украине заняли первые полосы украинских газет и не сходили с них вплоть до 1934 г. Характеристику ситуации этого периода на советско-польской границе предоставляет тернопольской адвокат, посол сейма Республики Польша, журналист и общественный деятель Степан Баран (1879–1953) в статье «С нашей трагедии за Збручем», напечатанной газетой «Дело» 21 мая 1933 г. Автор сообщал, ссылаясь на рассказы беженцев из УССР, что «личных взаимоотношений между нашим гражданством в Галичине или на Волыни и нашими коннационалами над Днепром нет сегодня совсем [...] Иногда переходят к нам крестьяне через густую большевистскую границу. Не одну жертву, что старалась вырваться из большевистского ада покрыли навеки волны [...] Граница обсажена войском московского происхождения. Восточная сторона Збруча выглядит на военную линию, за которой тяжело прорваться. Об этом рассказывают беглецы, что им удалось перейти Збруч, потому что большинство из них погибло от пуль, или попало в руки стражи. Пришли здесь живые кости, ибо голод там страшен... Когда бы ни чрезвычайно сильная большевистская пограничная охрана, вооруженная автоматическими ружьями и полевыми пушками, то Галичину и Волынь залили бы десятки тысяч наших крестьян [...] Среди нашего крестьянства за Збручем наступило прямо стихийное движение побегов перед голодом и каторгой на запад... потому что на плодородной Украине ни хлеба, ни картошки нету. Коммуна забрала из села все, и украинское село беспомощно гибнет. Спасение видит в бегстве за Збруч».

Бегство из страны было крайне рискованным шагом, поскольку советское законодательство рассматривало побег своего гражданина исключительно как государственную измену и предусматривало соответствующее наказание. Закон «О дополнении положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо опасных для Союза ССР

преступлений против порядка) статьями об измене Родине» от 8 июня 1934 г. постановляет, что: «измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, такие как: шпионаж [...] бегство или перелет за границу, караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества»[31, с. 255].

Исходя из этого Украинская парламентская репрезентация (представители УНДО в сейме Польши) 16 июля 1933 г. во Львове созвала совещание деятелей местных учреждений для рассмотрения ситуации в Советской Украине. На собрании удалось принять решение о создании комиссии, которая должна создать комитет для помощи голодающему населению УССР. 25 июля 1933 г. во время следующего совещания провозглашено образование общественного комитета который впоследствии сменил название на Украинский общественный комитет спасения Украины (далее – УГКРУ) во главе с Дмитрием Левицким (1877–1942). На съезде 25 июля 1933 г. было принято воззвание «Украинский народ!». Особенno интересным для нас есть часть текста обращения, которая была на черновике (хранится в фондах Украинского исследовательского института в Торонто, Канада), однако к печатному варианту не попала: «Это не слухи и сплетни [зачеркнуто], это чистейшая правда! Об этом страшную правду говорит сейчас громко мир, об этом мучительную правду говорят наши тамошние братья в многочисленных письмах к знакомым, об этом ужасную правду рассказывают и многочисленные беженцы из большевистской неволе». Сегодня точно не известно почему память о нелегальных мигрантах было изъято из окончательной публикации в газете «Дело». Было такое решение вызвано чисто типографским необходимостью приблизить текст к определенному объему, или имело целью не акцентировать внимание на фактор границы и фактического противоборства беженцев из СССР с государственными структурами Республики Польша – Корпусом охраны пограничья (КОП).

Польская сторона, подобно советской, была не заинтересована в прибытии и легализации на своей территории беженцев из УССР. Практикуя депортацию нелегальных мигрантов в СССР официальные структуры Республики Польша с одной стороны выполняли национальное законодательство, а с другой часто не принимали во внимание права беженцев, оппозиционно настраивая к себе общественное мнение украинского населения. «Недавно перешло через Борщев свыше 250 семей. Куда делись и сколько их было обещал мне узнать др. Чировський [местный адвокат] мотивируя это перед старостом тем что украинцы хотели бы дать тем беженцам какую-то помошь. Судя по всему бывают случаи где беженцев отвозят назад в Скалу и передают на другую сторону. Довозят до середины Збруча а там отбирает их большевистская стража и патрули. Творятся при том пронзительные сцены и недавно крик, плач детей, все же спас людей от поворота на другую сторону а украинцы-борщивчаны должны были взять на себя достаточно большие средства с [...] фондов собираемых на жертв голодающих в Украине, чтобы давать помошь в таких случаях» – читаем в «Документе информации о жизни в селе Скала» из фондов Электронного архива освободительного движения. Осуществим разбор информации представленной в документе: анонимный автор утверждает нежелание польской власти принимать беженцев из УССР (их принудительно выдавали советским пограничникам). Наряду с этим с отрывке понятно, что польские пограничники использовали беженцев из УССР, как средство получения неправомерной выгоды от украинского населения Польши.

В свою очередь советская сторона также практиковала изъятия средств в украинцев Польши, ведь в конце 1932 г. газета «Дело» публикует ведомость о том, что «Интурист» объявил возможность выезда из страны если зарубежные родственники граждан СССР согласятся заплатить за их переезд. Разрешение на переселение рабочего стоило 250 долларов, а для представителя интеллигенции вдвое больше. Не лишним будет здесь указать, что тогда рабочий в восточных воеводствах Польши зарабатывал около одного золотого в день, а доллар стоил 5 золотых, поэтому для преимущественно сельского населения Галичины и Волыни такие денежные суммы были достаточно большими. О «выкупе» граждан УССР украинцами Второй Речи

Посполитой вспоминала общественная активистка Ирина Левчанивская (дочь известной сенатора сейма Республики Польша – Елены Левчановской (Гродзинской)), которая оставила свидетельство о случае выезда из Советского Союза семьи к родственникам в Волынское воеводство. Женщина сообщает об ужасном состоянии в котором находились будущие эмигранты – фактически истощенный голодом муж вскоре умер оставив вдову и две дочери.

Немало беженцев попав в руки польских пограничников, давали показания, протоколы которых формируют нам картину массовых побегов перед страхом голода и репрессий. Например, 3 августа 1933 г. в поветовом старстве города Борщев Тарнопольского воеводства составлен протокол по делу нелегальной бегства из УССР в Польшу раскулаченных семей Бодяк и Гаврилюков, которые 25 июля 1933 г. перешли границу в районе с. Подпилипье Орининского района (Хмельницкой области) «по поводу господствующего [в СССР] голода и политического преследования» и под угрозой выселения в восточные районы РСФСР. Та же формулировка встречается в документах польской стороны на территории Тарнопольского воеводства до февраля 1934 г., когда голодом и политическими преследованиями объясняет свой побег из СССР Станислав Оленин. Подобные случаи и их частота не могли не вызвать беспокойства советской стороны. В частности, секретарь Славутского райкома КП(б)У товарищ Мотенко 2 июня 1933 г. считал нужным сообщить, что голод, привел к росту числа попыток прорыва границы и побега в Польшу. Статистика нелегальных миграций действительно была поразительной, к примеру, в течение апреля-мая 1933 г. в Польшу, только в пределах Славутского района Шепетовской округа, удалось перейти 45 крестьянским семьям. Дополнить статистику можно официальными данным предоставленными старостой, расположенного по другую сторону Збруча, Скалатского повету Станиславом Сухорским, который подсчитал, что за период с 1 января по 1 декабря 1933 г. границу перешло 18 беженцев только польской национальности, а 18 января 1934 г. в Борщевском уезде в течение одного дня официально зафиксировано группу нелегальных мигрантов численностью 7 человек.

Советская сторона рассматривала границу, как первый рубеж борьбы с капиталистическими странами, а не гнушалась никакими методами, чтобы сделать его непроницаемым. «Успокоение» мятежного крестьянства советской властью осуществлялось широким спектром методов и поэтому западные границы должен были быть абсолютно непроницаемым, чтобы мировая общественность видела только улыбающиеся лица населения на пропагандистских плакатах страны, осуществившей сногшибательный хозяйственный подъем на фоне мирового экономического кризиса 1929–1932 гг. Такая политика находила воплощение как в фактическом усилении военного контингента на границе так и в перманентном агитации, которая осуществлялась средствами массовой информации. Для максимальной противодействия нелегальной миграции было принято решение о преобразовании пограничных сел, в частности в Южном Надзбручи, на режимные объекты. Для этого вокруг населенных пунктов возводились стены. Об их возведения в 1934–1935 гг. вспоминает родственник председателя кооператива «Центросоюз» Ивана Мартюка Степан, сравнивая эти сооружения с «китайской стеной» и «линией Мажино». До сих пор остатки подобных укреплений можно увидеть в с. Чорнокизинци Каменец-Подольского района Хмельницкой области.

Итак, начало 1930-х гг. становится временем одного из крупнейших всплесков активности нелегальных миграций на польско-советской границе. Активная борьба крестьянства против политики коллективизации вылилось в массовые бунты, «волынки» и восстание вспышка которых приходится на 1930 г. Потерпев поражение повстанческие отряды часто находили выход в распылении и бегстве через границу в Республику Польша, то есть фактически повторили путь последних военных группировок верных УНР (отряды Я. Гальчевского) десятилетия перед этим. Дальнейшее обострение продовольственного вопроса, усиление репрессивной политики и, наконец, искусственный геноцид украинского народа – Голодомор 1932–1933 гг., вызвали массовые побеги в соседнюю страну. Нелегальные миграции этого периода охватывали не только политически активный и национально сознательный элемент пограничного украинского социума, они стали явлением всеобщим. Преимущественно инертное

к политическим вопросам украинское крестьянство поставлено в условия невозможности обеспечения собственного физического существования, руководствуясь преимущественно инстинктом к выживанию осуществляло все новые попытки пересечения границы. В свою очередь, под влиянием постоянной пограничной напряжения, торможение национального и экономической жизни, опираясь на анализ показаний беженцев из УССР пограничное галицкий и волынский украинство стало пригодной почвой для радикализации общественного сознания. В этих местностях максимальной силы приобретают антисоветские настроения и формируются зародыши украинского национального общества, проявляющаяся в образовании общественных организаций (вспомогательный комитетов), которые были призваны способствовать беглецам из-за границы, оказывать посильную помощь советскому украинству. Дальнейшие скрупулезные исследования такого трагического явления, как Голодомор 1932–1933 гг., можем с уверенностью сказать, невозможны без учета фактора нелегальных миграций в приграничных территориях УССР.